

В семидесятые-восемидесятые годы была в ходу такая острота: «Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова». В наше время её не употребляют, а жаль. Потому что и сейчас, когда реформы всего и всегда, торжество демократии и ветви власти, импортозамещение и всякое такое, жизнь является таковой, каковой она является. То есть мы наглядно можем видеть, как шутка постепенно, шаг за шагом становилась принципом жизни, и уже практически стала.

Автор, пишущий о современной и не совсем современной жизни, видит претворение этого принципа в жизнь на каждом шагу. О чём и пишет. Жизнь по-прежнему такова, какова она есть, считает автор. И в подтверждение предлагает несколько историй в качестве доказательной базы, выступая в сложном жизненном процессе как бы адвокатом этой самой нашей жизни.

Может, автору это и не очень удалось. Но ведь какая жизнь, такие и адвокаты. Уже хорошо, что бесплатные и испытанные.

РОДИНА МОЯ. МАЛАЯ...

Был такой случай давно. Или даже несколько случаев.

Ехала однажды по селу машина с мужиками. И машина иномарка, и мужики особые, по виду как бы начальники, а может, - вообще хозяева жизни. Кто их разберёт, какие в то время были. Такие всегда есть.

А тут парень идёт. Да не один, его родненькая за локоть держится.

Вот подъехала к нему машина, и мужики говорят:

- Эй, парень, иди сюда, разговор есть!

Подошёл он и вежливо так спросил:

- Чё надо?

А из машины говорят:

- Парень, парень, чего ты здесь делаешь, такой кучерявый, такой штучный! Место ли тебе в деревне? Вот в городе стал бы элитой, моделью бы работал или в стриптизе. А поехали с нами, не пожалеешь!

Задумался парень и говорит:

- Мамка тут у меня, да и работа опять же – хоть за один МРОТ, но есть, а там у вас еще, поди, наищешься...

- Нет, - сказали мужики, - сразу работу дадим. Хочешь в чиновники, хочешь в охранники. Деньги заработаешь настоящие, не твой несчастный МРОТ! Карьеру сделаешь. Девочек сколько хочешь найдёшь. Кстати, а кто это там у тебя сбоку стоит, за локоть дёргает, разговаривать мешает?

А парень застеснялся и говорит:

- Да это так... Не обращайтесь внимания. Родина, типа, моя, ну, малая. Родинка, роднулька как бы... Не может без меня, вот и прицепилась, как репей. Не знаю, как от неё отделаться...

- Да брось ты её нафиг, - засмеялись мужики. – Какая-то она у тебя вся серая, отсталая, слова сказать не может! Ты себе другую найдёшь. Поярче, поприманней, чем твоя никакущая... У нас, знаешь, какие в городе родинки водятся! Такие роднульки, что ого-го!

- И правда, - подумал парень. - Ну её совсем, эту отсталую, забитую, нецивилизованную, малую. Поди, таких, как она, замарашек, ему ещё на жизненном пути попадётся, как маку насеяно.

А роднулька эта, родина его малая, не хочет парня отпускать, цепляется за него, за локоть хватается, даже заплакала.

- Не покидай меня, - сквозь слёзы говорит, - дружочек мой, земляк мой драгоценный, уроженец села родного! Пропадут я без тебя. А ты без меня...

- Ещё чего, - сказал парень, вырвался из ручонков роднульки своей, родинки малой, и уехал с мужиками.

И всё как по-писаному, по-обещанному получилось у него. В телохранители пробиться, правда, не удалось, мозгов, сказали, маловато. А вот в депутаты с лёгкой душой приняли, зарплату установили, да и кое-чему научили помимо зарплаты. Не воровать, Боже упаси, да и не стал бы наш парень кражами

заниматься, воспитание бы деревенское не позволило.

Просто научили его голосовать правильно. Бизнес такой, оказывается, в городе есть, многие про него даже и не знают. Сидят особо обученные люди в большом помещении и руки поднимают. Вся хитрость в том, что поднимать их надо правильно, как скамандуют другие специально обученные люди. А за это деньги дают.

Иной раз и за свою прибыль руки поднимать приходится. А это уж и вовсе легко! Правда, случаются порой курьёзы. Вот тут недавно подняли руки за прибавку к своей зарплате, все как один подняли – единогласно называется, консенсус по-народному. Конечно, кому же не хочется в два раза больше получать за поднятие рук! Только не получилось – телевизионщики набежали, сказали, что так делать как бы нехорошо. Пришлось опять руки единогласно поднимать, уже чтобы отменить прибавку к зарплате.

- Да это ничего, сказали сами себе, - в другой раз без лишних глаз соберёмся, - и за сколько нам надо, за столько руки и поднимем.

... И новую роднульку себе парень нашёл. Ну, с такими-то деньгами! Так ей, длинноногой, и сказал чистосердечно:

- Ты теперь моя родная и любимая! Ты моя единственная!

Но и старую не забывал, малую свою. Как вспомнит, так сразу и звонит в родное село, спрашивает, как там его малая живёт, не обижает ли еёкто, не загнула ли совсем в ходе экономических реформ?

- Нет, - отвечают, - ещё держится. Сами удивляемся...

А парень бывшим землякам наставления даёт, как его родину малую беречь. Иной раз и в местную газету напишет: дескать, там у роднульки моей тропинки заросли, и крыша прохудилась. Чего же не бережёте деревеньку мою родную, которая меня взрастила и выкормила.

Да так другой раз статейку напишет про любовь к родине малой своей, что у оставшихся земляков сердца кровью обливаются. - Ишь ты, - думают, - как забота о родине мужика замучила. А мы тут, похоже, и в самом деле за ней плохо следим. Правильно обращает наше внимание вышестоящий земляк, что на кладбище ногу сломать можно. Да и вообще с

благоустройством хреновато.

И так порой застыдятся местные, что даже слезу сронят. - Виноваты, - отвечают бывшему своему односельчанину, - но исправимся. Особенно насчёт кладбища. Всё сделаем, хоть сейчас приезжайте, дорогой вы наш, и ложитесь. Надеемся, что вам понравится.

Так и шли годы, пока парня настоящая ностальгия за сердце не схватила. Такая тоска под старость одолела, такое желание на родину свою малую взглянуть, что хоть пешком беги до родной улицы, до мамкиного дома! Да где ж теперь и мамка та, и тот дом...

Но однажды собрался и приехал. Думал, что родина ему на шеюкинется, про любовь скажет.

А она его не признала. Сказала, что да, был такой, да, надеялась на него, жизнь хотела с ним построить. Куда пропал – не знает. Да и знать не хочет. С другими жизнь прожила. Другие ей и домов понастроили, и заборы починили, и детей нарожали – новых земляков. После многих бед всё налаживаться стало. Посмотрите, говорит, сколько у меня цветов на клумбах! А воздух какой чистый! А по утрам петухи поют. Так что спасибо за внимание, но – нет, я вас не признаю.

И уехал наш парень обратно ни с чем. Хоть и увидел после долгой разлуки свою родину малую, да только он ей стал уже не нужен.

... Вот тут бы и сообщить, что умер бывший парень от горя, но так бывает только в сказках. В жизни же всё гораздо проще – надо было ему сделать ещё много разных дел.

Своей постаревшей длинноногой на силиконовую грудь заработать.

Квалификацию повышать, как по пробкам к ночи домой с работы пробираться.

Узнавать по телевизору информацию, сколько на данный момент в городских выхлопных газах воздуха содержится.

А самое главное – продолжать правильно руку поднимать. Да и хрен бы с ним! Но вот что опасно: по-прежнему заманивают деревенскую молодёжь города, зовут покинуть родину свою малую, которая на самом-то деле Отечество наше великое, единственное наше.

Вот и хотелось бы предупредить.

О чём?

О том, что малая-то малая, но выживет родина. А вот поухавшие в города – хорошо, если только ностальгией отделаются. Бывает и хуже...

МАТИЛЬДА: СОВРЕМЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

Моя бывшая подруга Мотенька вышла замуж сначала не очень удачно, а потом удачно просто исключительно. Сначала Васька-рыжий, её муж, зарабатывал трудовой стаж в бандитах, и брак у них был гражданский. Я в то время вообще думала, что гражданский брак придуман специально для бандитов, пока своя дочка не вступила в это самое.

А потом Мотя вышла замуж по-настоящему, и уже удачно, потому что Ваську не убили и даже не ранили, но зато он стал богатеньким Буратиной. Наверно, потому что у них в бандитах год шёл за три. Большой стаж – большие и деньги. Видимо, баллов насчитали до хрена, а как бонус – в тюрьму не посадили.

Как тут не радоваться!

Вот на радостях и велела Мотенька называть себя Матильдой, сокращенно – Матя. А когда посмотрела кино про Мату Хари, стала себя называть именно так. Правда, муж Вася навеличивал жену попросту Мотей с харей. Но когда у мужа полны карманы денег, какая разница, как он жену называет.

Вот не зря говорят, что в каждой избушке свои погремушки. Меня мой Митя как стал в школе называть не Полинкой, а Полянкой, так и до сих пор я для него Полянкой остаюсь. А у бывшей подруги вышло по-другому.

Почему подруга бывшая?

Образ жизни у ней со мной стал разный.

Мы же в своей деревне сильно отстали от новых русских. Ни тебе стриптиза, ни наркотиков, ни завалищего казино. Даже

когда в райцентре объявили, что по разнарядке из Москвы у нас надо срочно создать филиал партии геев, и то таких у нас в деревне не нашли. Мужики-то у нас отсталые, все гуляют по-старинке с бабами. А когда про эту партию объявили, до того испугались, что вообще потребовали мужское отделение в бане закрыть.

Чтобы чего не подумали!

А заодно и женское отделение закрыли. Хотя о партии лесбиянок ещё не было указания.

И вот в такой обстановке бывшая подруга Мотя меня пригласила к себе в гости. - С чего бы это? – Подумала я, но из любопытства стала собираться. А вот теперь думаю – лучше бы дома сидела. Тем более, что картошка еще не копана, а в Пойме щука стала клевать. Мой-то это дело одобрил.

- Черт с тобой, Полянка, - сказал мне ласково, - езжай! За детьми подсматривать меньше будешь, уже все женаты-замужем, а ты им до сих пор сопли хочешь вытирать. Да и мне ты мешаешь при ловле щук. Песни орёшь, да ещё голосом Витаса, а щука на Витаса не клюет.

И поехала я с лёгким сердцем, не догадываясь, с какими новостями домой возвращаться придётся...

Ну, конечно, выглядит Мотя справно. Разодета, как картинка, вся блещет украшениями, даже, сказала, трусы у неё со всех сторон со стразами. Правда, я не поняла, как же она ходит-двигается в этих трусах, поди, заднице-то больно. Но промолчала. Я же понимаю: у каждого в наши дни свои проблемы! Припрёт – так любое рубище наденешь.

Живёт моя подруга с мужем в своем доме, четырёхэтажном. У нас в соседнем городе в такой четырёхэтажке строительное профтехучилище находится.

- Ниже чтоб дом был, - говорит Мотя, - нам нельзя, люди подумают, что у нас деньги закончились. Здесь все так живут.

И правда, стоит несколько богатых домов, забором окружены, а на воротах охрана с автоматом.

- Матильдочка, - говорю я в ужасе, - это что ж вы такое страшное натворили, что другим преступникам только электронные браслеты вешают, а для вас целую колонию создали?!

- Дура, - обиделась Мотя, - это вроде такой резервации для нас, богатых граждан.

- Так это от вас народ отгородился, - уточняю, - или вы от народа?

- Нас это, нас охраняют от народа! - Говорит Мотя. - Многие не понимают, откуда у нас деньги огромные, лезут интересоваться. А нам это не надо. Если едем куда, тоже под охраной, и куда приедем - там тоже охраняют. А народ этот, как назло, везде шастает...

«Ладно, - думаю, - мне не понять, но, видно, так и надо».

Только вот как же это - вроде, за свободу боролись в девяностые годы, а попали хуже, чем в сталинские лагеря. Но ничего больше не сказала, тем более, что Мотя, подруга моя бывшая, начала о своей беде рассказывать.

- Что ты, Поинка, - спрашивает, - своему Митьке готовишь? Ну, чем его кормишь?

- Ты чё, Матильдочка, - отвечаю, - забыла, что ли? На завтрак яишницу на сальце, другой раз супчик сварю, свининки побольше положу, да крупы-перловки кину. Митя любит такой, чтоб наваристый, горячий, с чесночком... На обед щи да котлеты, картошку потушу, капусты квашеной и огурчиков из подпола достану. Картошка молодая пошла - так драники за милую душу сами в рот летят. Груздей нынче насолили три бочонка, уже начали пробовать. Всё, как всегда, у нас на столе, Мотечка. То есть Матильдочка. В чём проблема, подруга дорогая?

Заплакала моя Мотя и говорит:

- Поля, Поля, нам ведь ваша еда по статусу не положена. Мы совсем другое едим, всё модное, гламурное, такое, что вам в деревне и не снилось. Вот отсюда и получилась моя беда.

- Да ты что, - говорю, - ужас какой, без нормальной еды жить!

- Да, - говорит подруга моя несчастная, - до развода едва не дошло у нас с Васечкой. Я же ему и салат из рукколы, и сыр рокфор, который с плесенью, и суп буйабес, а другой раз и гаспаччо с панакоттой, а он с каждым днем кушает всё хуже и на меня как мужчина смотреть перестал!

- А что при этом говорит? - Спрашиваю.

- Ой, Полька, сплошной ужас! Говорит, от твоей рукколы одни пуккалы, суп твой придумал балбес, а панакотту отдай котам! Свари, говорит, что-нибудь съедобное. Ну, и стала я стараться заново. Я ему и жареный ананас с соусом бешамель-морнэ, и фуагру, и суп из молока с помидорами. Всё, что сейчас в моде у богатых. До того дошло, что уже паэлью каждый день стала готовить. А он всё хуже кушает. Но вдруг, смотрю, повеселел, дома за стол вообще не садится, а едой от него пахнет!

- Так беда конкретно в чём, Матильдочка? – Снова спрашиваю.

- В том беда, Полечка, что он к обслуге нашей во флигель ходить стал. А домой вернётся – счастливый такой! Ну, я его и поймала. Пошла однажды за ним, думаю, своими глазами увижу адюльтер, какому мой Васька предаётся!

- Да ты что! – Ужаснулась я. – Извращенец, оказывается! А в деревне мы за ним ничего такого не замечали. В партию эту самую Васька вступил, наверно?

- Дура ты, подруга, - отвечает Мотя. – Адюльтер по-научному – это измена жене. Нет, это был не адюльтер. Я открыла дверь, встала на пороге и увидела страшное зрелище. Мой Вася жрёт сало с черемшой и прихлёбывает щи прямо из кастрюли!

«Как оголодал, бедолага», - подумала я, но Моте ничего не сказала.

А та заплакала:

- Представляешь, свинья, сам жрал, а мне сальца даже на кусочке хлеба не принёс, хотя знает, что я сало с черемшой с детства уважаю. Это ж хуже адюльтера – родную жену голодной оставить! И тогда, знаешь, Полька, что я поняла...

- Что? – Спросила я.

- Я поняла, кто у нас кашу собачью постоянно воровал! Ну, кроме меня, конечно, я-то себе по чуть-чуть накладывала. Калорий боюсь хуже собак! А Васька, подонок, как наших собак объедал! Другой раз кастрюля с едой для собак вылизана до доньшка была!

Утешила я подругу, как могла, рецептов нормальной еды ей надиктовала целую кучу. Приободрила, что она всё вспомнит,

деревенская же всё-таки. А когда прощались, я у неё спросила, что такое паэлья. Сильно меня это слово задело.

- Да это испанское блюдо такое, в него всё кладут подряд: рыбу, мясо, сало, курицу, рис, овощи, зелень, сок лимона, телячьи кости. Ну, словом, что в доме есть, то и кладёшь.

И вот тут-то я и поняла! Когда мне мой Митя говорит, что свиньям мешанку пошёл делать, надо правильно говорить – паэлью! Мешанка – она всем для откорма незаменима, хоть как её ни называй.

Словом, не зря съездила. И подруге помогла, и новые слова узнала. А как приехала, так сразу драников наделала, сметанки домашней сверху навалила, сало из холодильника достала, огурчиков солёненьких нарезала. И даже сыр нашёлся домашний, правда, без плесени...

Мужа позвала к столу и порадовалась.

Что я дома.

Что мы с Митей на свободе, и охраны никакой! Даже, думаю, в конце огорода дырка в заборе, так не надо её заделывать, пусть коровы по убранному огороду ходят. Пусть и им будет свобода!

Обрадовалась, что мне не надо мыть полы на четырёх этажах! А то бы в понедельник начала, а к пятнице закончила.

И какое счастье, что на столе настоящая еда, а не молочный суп с помидорами, про который Митя сказал, что его тошнит от одного названия, и чтоб других гламурных слов я при нём даже не произносила. Иначе вплоть до развода.

И никакой пукколы! Это мой Митя так называет рукколу!

А вот как мне-то быть? Я семена этой рукколы-пукколы закупила в городе, думала весной посеять. Врага же надо знать в лицо!

... Неужто за зиму Митю не уговорю?

СПАСИБО ПРОТИВОГАЗАМ

Об этом событии, едва не перевернувшем спокойный быт небольшого таёжного посёлка, я услышала от своей знакомой. Вот когда она работала там директором средней школы, тогда всё и случилось.

Сначала всё было хорошо.

Как говорится, ничто в этот славный июньский день не предвещало. В школе заканчивался традиционный летний ремонт. По зданию неспешно ходили забрызганные извёсткой учителя, и бегали радостные ученики начальных классов, которым вообще нечего было в школе делать, но они пришли с самого утра. Потому что ученикам начальных классов обычно нравится в школе всё, кроме уроков. А уроки в июне им не угрожали, вот они и явились спозаранку.

Говорю же – ничто не предвещало.

И вдруг к школе подъехала машина, вышел проверяющий из района по делам пожаров, который имел обыкновение приезжать, когда никто не ждёт. Поэтому не знаю, как пожары, а вот руководители организаций и учреждений района этого проверяющего боялись больше, чем огня. Товарищ Иванов налетал с проверками буквально как пожар. Налетит, бывало, камня на камне от бюджета организации не оставит, всё уйдёт на уплату штрафа!

Я же говорю – как пожар.

Директор школы встретила проверяющего, естественно, с волнением. Примерно так, как встречают первую любовь, или, скорее, как первую беременность от первой любви. Директор вся затряслась, покраснела, но, правда, быстро опомнилась и повела товарища Иванова по школьным коридорам. Первым делом проверяющий спросил:

- А у вас противогазы есть?

На что ошеломлённая директор сказала:

- Есть!

- Сколько? – Строго спросил товарищ Иванов.

- Один, - сказала директор.

- Где? – Спросил товарищ Иванов.

- Как где? – Ответила директор. – В кабинете начальной военной подготовки. Сокращенно – НВП. В шкафу, под ключом лежит.

Проверяющий закричал:

- Это ещё что такое! Почему один? Почему в шкафу? А вдруг срочно потребуется, что вы тогда делать будете? Побежите в кабинет НВП, ключ будете искать, доставать из шкафа? Да за это время у вас уже крыша рухнет!

Директор была преподавателем русского языка и литературы и поэтому обладала богатым воображением. Она тут же представила страшную картину: вот случилась газовая атака, срочно нужен противогаз, а чтобы его достать, сначала нужно достать преподавателя по НВП. То ли он на рыбалке, то ли в райцентре, то ли вообще у своей любовницы – преподавательницы физры. О чём знали все, включая жену, но не попрётся же искать ключ от шкафа в такой интимный момент. Вторжение в личную жизнь, тем более в тайную личную жизнь, запрещено по Конституции РФ.

Далее директор представила, как из-за недоставания противогаза из шкафа рухнет крыша на родной школе, и окончательно впала в ступор. Но, правда, потом опомнилась и сказала себе, что пускай на хрен рухнет, зато потом район даст денег на новую.

На этой мысли она немного успокоилась и пообещала товарищу Иванову, что обязательно закупит требуемые противогазы. Немедленно, буквально завтра. Присоединившаяся в этот момент к беседе завуч, хотя и не знала, о чем конкретно идёт речь, но подтвердила, что да, обязательно всё исправят.

И в этот момент директор спросила товарища Иванова, а где же хранить противогазы, которые она закупит завтра.

- Как где? – удивился товарищ Иванов. – Развесьте на стенах, по два-три в коридорах, по одному-два в каждом классе. В спортивном зале и столовой побольше. Всё как по инструкции!

- Да? – Растерялась директор.

Но товарищ Иванов подтвердил:

- Конечно! А как же иначе? Стихийное бедствие в любой

момент может нагряться! Вы что, телевизор не смотрите! Вон по краю уже сколько таких случаев, причём потери страшные!

И тут директор, имевшая профессионально развитое воображение, представила, как по школе бегают подростковое хулиганье в противогазах!

Как неэстетично чистые стены её любимой школы, украшенные кашпо с цветами, будут выглядеть после развешивания противогазов. Ну, если только повернуть их задом, решила директор, и туда вставить кашпо с цветами...

Ведь в школах чего только ни прикрывают кашпо с цветами!..

Ещё она представила, как входит в класс на урок литературы и видит вместо прелестных, хотя и нагловатых личиков детей, морды пришельцев в противогазах, а у неё по программе любовь Печорина и Бэлы, которую пришельцы явно не поймут. Может, они уже и размножаются по-другому. Не как Печорин с Бэлой.

Как падает в обморок повариха Надежда Ивановна, у которой и без противогазов высокое давление, а если на раздаче встанет пара балбесов в аппаратах газовой защиты, инсульт ей обеспечен. Надежда Ивановна ладно, подумала директор, в её восемьдесят пять ей и без противогазов много что обеспечено. А вот где на её место повара потом найти, представителя редкой в наше время специальности. Ведь кругом специалисты двух основных российских профессий – юристы и экономисты, которые не сумеют сварить суп, хотя могут подсчитать, сколько поваром украдено и какой дать срок в соответствии с принципом безнаказанности.

Или законности?..

На этом месте директор растерялась окончательно. До полной потери ею вменяемости было уже рукой подать.

В отличие от директора завуч, преподаватель математики, дама решительная и привычная к логическим действиям, не утратила присущей ей силы духа. Она немедленно позвонила домой и дала мужу команду:

- Готовься к эвакуации, детей загони с улицы и жди моих дальнейших указаний!

Когда муж спросил, а в чём, собственно, дело, завуч честно призналась, что не знает ничего конкретного, но, вроде бы, готовится газовая атака на посёлок. Что об этом предупредил проверяющий. Что, вроде бы, таких случаев по краю уже много. При этом особенно опасно, когда начнут падать крыши.

И здесь началось!

Загоняя своих пацанов с поселковой футбольной площадки, муж завуча заодно оповещал об опасности всех, кого встречал. И уже совсем скоро зазвучало страшное слово «эвакуация», а к автобусной остановке потянулись граждане с чемоданами и сумками.

Лучше всех было владельцам транспорта. Когда тракт был уже полностью забит автомобилями и тракторами со скарбом, многочисленными велосипедами, мопедами, огородными тачками, а также одним списанным танком, граждане стали уходить пешком по лесной дороге, которую местные остряки тут же обозвали «тропой жизни».

Первыми уходили в эвакуацию те, кто не имел домашней скотины. Кто имел – сказали, что погибнут вместе. Одна гражданка отказалась уезжать, потому что с минуты на минуту должна была отелиться первым телком её Зорька. «Роженицу с дитём не оставлю», - сказала гуманная женщина.

На местной телевышке отключили вещание. Глава местной администрации дал такое указание, чтобы не было паники. Вследствие чего паника немедленно возникла и вскоре превысила все разумные пределы.

Между тем в школе товарищ Иванов приступил к написанию акта проверки подготовки данного учебного заведения к новому учебному году. Когда дело дошло до графы «наличие огнетушителей», проверяющий отметил: «огнетушитель один».

- Как один? – Возмутилась директор, из-за этой графы акта вышедшая из временной невменяемости. – У нас огнетушителей много, и в классах, и в коридоре! Это противогаз у нас, да, один!

И тут проверяющий пришёл в себя.

- Ой, - сказал товарищ Иванов, - это ж я имел в виду не

противогазы, а огнетушители! Перепутал названия средств защиты, блин, после вчерашнего...

- А что было вчера? – Спросила директор, стараясь случайно не употребить ненормативную лексику.

- Да мы с коллегами день взятия Бастилии отмечали.

Директор в ту же секунду превратилась в столб. Обладающая развитым воображением как учитель русского языка и литературы она живо представила, что бы она сделала с товарищем Ивановым, если бы не была директором. По сравнению с её желаниями, действия инквизиции в средневековой Испании выглядели шалостями воспитанников ясельной группы детского сада.

Завуч же, обладающая логическим мышлением, немедленно позвонила мужу и дала отбой тревоге. При этом ей удалось сохранить в своей пламенной речи несколько цензурных слов. Но, честно говоря, смыслообразующие слова цензурными не были...

Между тем, у этой истории случился хороший конец.

Когда был подписан акт проверки и товарищ Иванов уехал, директор сказала завучу:

- Галина Павловна, там у нас в сентябре день начала восстания Ивана Болотникова, о чём нам всегда напоминает преподаватель истории, и который мы традиционно отмечаем. Отпразднуем его сегодня, не будем ждать сентября. Иначе я не выдержу!

А ближе к вечеру уже весь посёлок отмечал тройной повод: отмену газовой атаки, рождение первого телка у коровы Зорьки и день начала восстания Ивана Болотникова. Понятным и достойным внимания было только рождение телёнка, но и за остальные поводы добродушные поселяне не отказывались время от времени поднимать бокалы. Бокалы поднимали те, кто сумел найти их в собранных наспех уздах. Остальные пили из любой подножной посуды. Что не помешало празднику длиться до утра.

Некоторые даже были благодарны товарищу Иванову за неожиданный выходной. А то ведь лето – хорошее время года только для горожан, а в таёжном посёлке лето – это ремонты, сенокос, прополка, заботы и хлопоты, да разные проверки.

Школьный историк взял слово и предложил записать этот день в анналы истории. Куда записать – не понял никто, но все согласились, что записать надо, и не только записать, но и обмыть эту запись.

От главы местной администрации поступило предложение отмечать этот день как день посёлка и праздновать каждый год. Эту инициативу муниципальной власти поселяне поддержали и в свою очередь предложили отмечать такой день посёлка каждый месяц.

«Что ты, - сказал при этом специалист с телевышки, - такое пережили и выжили!».

Особенно радостно отмечал это событие преподаватель начальной военной подготовки, у которого был ключ от шкафа с противогазом. Но для этой радости у него были свои причины. Мы бы, конечно, их назвали, хотя бы в силу правдивости изложения нами различных жизненных случаев, в том числе и этого.

Но личные тайны, даже если они известны всем, включая жену, подлежат охране закона. Так что - ни Боже мой! – мы об этом не проболтаемся.

Да и, собственно, зачем?

И так все всё знают.